

Наталья Джурович родилась в Москве. В 2009 году закончила Российский Православный университет Иоанна Богослова, филологический факультет. Автор поэтических сборников «Нескончаемое лето», «Дву-речие». Публикации в журналах: «Наш современник», «Гостинный дворъ», «Волга 21 век», «Славянская лира», «Подъём». Автор и переводчик двуязычной книги (на сербском и русском языке) очерков и стихов «Крестоносная Румия/Румија крсто-носна».

Наталья Джурович Черногория, г. Бар

Дед

Герой в летах, в сединых борода,
Идёт по кромке вспененной воды,
В камнях свои прокладывая тропы.
Тут остановит берег, там – пейзаж.
У дедушки давно «пейзажный стаж»,
Да только чаще был пейзаж окопный.

Как будто в латах, в космах он седых,
И, слава Богу, ходит на своих,
И все ещё как будто на подхвате.
Проверку полигонами прошёл,
И в лёгких воля дышит – хорошо!
- Ах, что там? Пропуск? Маску? Справку?
- Натe!

За маской седины не прячет дед.
Безропотно потёртый документ
Протянет, как протянет ветку тополь.
Он отстоял когда-то Севастополь,

Да вот на пропуске о том печати нет.

Ну, нет так нет. Потрет карман тугой.
...И камешки под дедовой ногой
Хрустят, как внуки сахарным печеньем
Хрустели, и когда-то развлеченьем
Из дедовых карманов извлеченье
Его казалось. «Деда, дорогой!..» -
Всё слышится, как камешки с откоса...
И всё ещ как будто в жизни сносно,
И нет потребы жизнь сложить другой.

Что душа – это избы и чернь
Огородная, всеми забыта.
Сколько здесь обгорело плеч
Да картошки с запасом нарыто.

Сколько нас, деревенских тетерь,
Жизнь, как туфли, «надели» не ту.
Вот отправлю во дворик детей,
Туфли скину и лапоть сплету.

Пожалею о чём-то едва,
Пусть погода под стать мне хмурая,
От картошки чернеет ботва...
Дура я.

Тихонько звякнут папины ключи.
Так тихо год уходит календарный.
Ты спи, пока касаются лучи
Далёких, неизвестных полушарий.

Нам третий год – как в первый раз – смотреть
В бездонных два живительных колодца.
Заснёшь – и онемееет круговерть
Слонов и радуг, пирамидных колец.

Здесь мама не окончила стиха,
И папа тише произносит слово.
Вселенная торжественно тиха,
Тебе и день, и ночь дарить готова.

Рис

Рис намокший в ладонях шуршит,
Побелела в кастрюльке вода.
Варят рис на помин души,
Вот и я варю иногда.

Он на рану – как русский снег...
Покрещусь – и снова – в дела.
Где-то жив один человек,
И дорога его бела,

В пальцах – точных касаний ток,
То «Метель», то жернов гудит...
Вот и рис мой готов и стёк.
И прижалась душа к груди.

Да, было вам, о чем переживать:
Но разве это – «детство непростое»?
Мы ж не в Сибирь сбегали торговать
И не дышали воздухом Дальстроля.

Мы ковырялись где-то за двором
В жаброшенных остатках прошлой жизни,

Пока наш телевизор топором
Рубил на чёрно-белое отчизну.

Но чёрно-белых мы не помним дней,
А телевизор – и такой годится.
Ведь майки с чип-и-дейлом важней
Навязчивой настроечной таблицы.

Что породит пузатый твой экран,
О господин Великий Телевизор?!
Едва стоит уже Афганистан.
А во дворе – разборки с детским визгом.

Мы уходили до темна гулять,
Пока вы были, как всегда, при деле.
Теперь мы можем смело вам сказать:
Спасибо, что тогда не доглядели.

На край села – да разве это край!
За старым домом балка с ежевикой...
(Ты хоть сейчас о том не причитай,
Ты и сама. Ведь, к странствиям привыкла).

Ведь мы же «по делам», не «от балды»,
Ведь слишком долго на селе затишье!..
Ты лучше вспомни «райские сады»,
Через плечо – ведро для дикой вишни...

Мы счастье получали не взаймы.
Весомость дней и невесомость в теле.
Варенье, осы... и летели мы –
А ведь и правда, мы тогда летели!

Яблоковое

Поспевает пряная «грушовка»,
«Бель» мне тётка в сумку насыет
(отказаться, всё-таки, неловко),
Но покой «кислушка» не дает.

Наложу её на дно побольше,
Критикуйте, всё-равно поем!
Чем кислее яблоки, чем горше,
Тем лиричней настрою поэм.

Может, лишнего не наболтаю –
Скулы мне сведёт; и онемев,
«Бель» на ветках яблоневых тает,
Морщусь я. И вывожу напев!

Сын проснулся: «Мама, я умру!
Я сейчас умру, не отходи!»
И согретый маминой рукой
Он растаял на её груди.

По груди весны текла вода,
Снежная вода – холодный пот.
Сын растаял снегом – навсегда? –
Нет. В земле и в небе он – живёт!